ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

ФОКИН Евгений Анатольевич, научный сотрудник центра зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушнская, 34
E-mail: evgeniy.hse@outlook.com

ХАБИРОВА Дания Ильшатовна, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории международного правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: dania.khab@gmail.com

Предметом настоящего исследования являются актуальные тенденции права на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского суда по правам человека. Авторы стремятся выявить основные векторы и направления развития подходов ЕСПЧ по наиболее актуальным вопросам применения статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Исследование состоит из нескольких блоков. В первом блоке авторы приводят эволюцию позиций ЕСПЧ относительно права на справедливое судебное разбирательство, отказываясь при этом от комментирования конкретных элементов данного права и стремясь рассмотреть ст. 6 названной Конвенции через призму основных судебных доктрин ЕСПЧ. Во втором блоке рассматриваются основные тенденции уголовно-процессуального аспекта права на справедливое судебное разбирательство, в том числе эволюция взглядов ЕСПЧ относительно права на защиту, права допрашивать свидетелей и права на услуги переводчика. Третий и четвертый блоки посвящены исследованию проблем имплементации положений ст. 6 Конвенции и практики ЕСПЧ в российское гражданское и уголовное судопроизводство. Анализируются последние изменения в сфере судостроительства и процессуального законодательства России с точки зрения конвенционных требований и основных подходов ЕСПЧ. Подчеркиваются хронические проблемы российского уголовного процесса с точки зрения практики ЕСПЧ, которые пока не получили своего разрешения. В заключение определяются возможные направления имплементации права на справедливое судебное разбирательство в российское правосудие по гражданским и уголовным делам.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, стандарты правосудия, права человека, имплементация.

Для цитирования: Фокин Е. А., Хабирова Д. И. Европейские стандарты справедливого судебного разбирательства: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 108—126. DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.8

EUROPEAN STANDARDS OF FAIR TRIAL: MODERN CHALLENGES

E. A. FOKIN, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation
E-mail: evgeniy.hse@outlook.com

D. I. KHABIROVA, National Research University "Higher School of Economics", Moscow 101000, Russian Federation
E-mail: dania.khab@gmail.com

The subject of this study is the current trends in the right to a fair trial in the case-law of the European Court of Human Rights. The authors strive to identify the main vectors and directions for the development of the Court's approaches on the most pressing issues of applying Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

The study consists of several basic blocks. In the first block the authors give an evolution of the Court's position regarding the right to a fair trial, while refusing to comment on specific elements of this right and seeking to consider Art. 6 of the Convention in terms of the main judicial doctrines of the ECHR. The second block examines the main trends in the criminal procedure aspect of the right to a fair trial, including the evolution of the court's views on the right to defense, the right to question witnesses and the right to the services of an interpreter. The third and fourth parts of the work are devoted to the problems of implementation of the provisions of Art. 6 of the Convention and the case-law of the ECHR in Russian justice in civil and criminal matters. The authors

make a cautious attempt to analyze the latest changes in the sphere of the judicial system and procedural legislation of Russia in terms of the Convention requirements and the main approaches of the Court. The chronic problems of the Russian criminal process are particularly emphasized from the point of view of the case-law of the ECHR, which, unfortunately, have not yet been resolved. The final part identifies further possible ways to implement the right to a fair trial in Russian justice in civil and criminal cases.

Keywords: right to a fair trial, standards of justice human rights, implementation.

For citation: Fokin E. A., Khabirova D. I. European Standards of Fair Trial: Modern Challenges. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 6, pp. 108—126. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.8

В настоящее время российская судебная система вновь переживает достаточно масштабное и глобальное реформирование: с осени 2019 г. приступают к работе апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, арбитражное процессуальное законодательство находится в стадии глубокого переосмысления (которое в профессиональном сообществе получило наименование «процессуальная революция»), а перед Правительством РФ стоит задача по подготовке качественно нового законодательства об административных правонарушениях, что также не может рассматриваться в отрыве от функций суда. Подобные преобразования заставляют вновь обращаться к вопросу о том, каким должно быть правосудие с точки зрения международного права и позиций органов международного правосудия. При этом определенная специфика состоит в том, что и сами позиции международных судов о праве на справедливое судебное разбирательство заметно эволюционируют и меняются.

Указанные обстоятельства обосновывают актуальность еще одной попытки доктринального осмысления права на справедливое судебное разбирательство, в первую очередь его современного контекста и проблем имплементации данного права в национальный правовой порядок.

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция, Конвенция, ЕКПЧ) является одной из центральных норм Конвенции, а закрепленный в ней общий стандарт справедливого судебного разбирательства стал важным ориентиром для национальных систем правосудия и процессуального права. Обратим внимание на статистику: с 1959 по 2018 г. Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский суд) устанавливал нарушения ст. 6 ЕКПЧ 4902 раза, а за 2018 г. — 190 раз¹. При этом статистика выглядит достаточно неоднородной: за почти 60 лет функционирования ЕСПЧ не так просто выявить государства-лидеров по количеству нарушений права на справедливое судебное разбирательство. Единственная тенденция, которую можно заметить (да и то с большой

долей условности), состоит в том, что наибольшее количество жалоб по ст. 6 ЕКПЧ поступает из государств, в которых проводится или недавно проводилась судебная реформа. В свою очередь, зачастую и правовые позиции ЕСПЧ становятся поводом для реформирования институтов правосудия.

Кроме того, нередко нарушения права на справедливое судебное разбирательство вызваны не столько системными и «хроническими» проблемами в конкретном государстве, сколько в целом эволюцией процессуального права, которая вновь и вновь заставляет обращаться к фундаментальным основам и базовым гарантиям.

Прежде чем переходить к конкретным проблемам имплементации ст. 6 в национальный правовой порядок, необходимо определиться с общей «системой координат», в которой существует право на справедливое судебное разбирательство.

Вводные замечания относительно ст. 6 ЕКПЧ. Зарождение и эволюция международного права прав человека, предпосылки принятия и принятие ЕКПЧ уже получили подробное освещение на страницах российской научной литературы². Напомним, что после завершения Второй мировой войны человечество как никогда оказалось заинтересовано в формировании правового фундамента цивилизованного существования. Ужасы войны подчеркнули острую необходимость защитных механизмов, гарантирующих права человека вне зависимости от политического режима в конкретном государстве, идеологической направленности действующей власти, социально-экономической обстановки или других обстоятельств. Так, идеи так называемого минимального стандарта прав человека были воплощены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее — Всеобщая декларация). Признавая безусловную важность данного документа, следует отметить и то, что Всеобщая декларация была лишена каких-либо конкретных рычагов воздействия, обеспечивающих ее реальное и фактическое исполнение в европейских государствах. В связи с этим принципиальным отличием Европейской конвенции от Всеобщей декларации было то, что Конвенция предусматривала создание специального общеевропейского судебного органа — Европейского суда по правам человека.

¹ См.: Официальная статистика Европейского суда по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2018_ENG.pdf; https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2018_ENG.pdf (дата обращения: 16.04.2019).

² См., например: Ковлер А. И. Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека. М., 2019.

Вместе с тем принятие Всеобщей декларации не сильно облегчило задачу разработчиков Европейской конвенции, стремившихся придать данному документу определенную степень реализма: так, изначально в текст Конвенции не было включено право собственности, которое в отдельных разрушенных войной странах послевоенной Европы рассматривалось как преждевременное.

Кроме того, перед разработчиками Конвенции стояла задача по правовой интеграции европейских государств (или по крайней мере по заложению ее фундамента)³. Применительно к стандартам справедливого судебного разбирательства эта задача приобрела определенную специфику. Изначально формулируя сферу действия ст. 6 Конвенции, предполагалось уточнить, что она применяется «в случае споров о правах и обязанностях, предусмотренных законом», что потенциально ставило британских заявителей в невыгодное положение. В конечном счете избранная формулировка «в случае споров о гражданских правах и обязанностях» стала результатом трудоемкого компромисса. Уточнять эту формулировку пришлось уже Европейскому суду.

Разработчики Конвенции предусмотрели максимально конкретное предназначение ст. 6 ЕКПЧ: заложенные в ней гарантии ограничиваются процессуальными вопросами. Достаточно обратить внимание на название ст. 6: «Право на справедливое судебное разбирательство». В российской научной литературе многократно обращалось внимание на то, что рассматриваемое право не гарантирует справедливого итога дела в национальном суде, а преследует более локальные задачи, подразумевая в первую очередь справедливость судебной процедуры⁴. Эта справедливость складывается из конкретных элементов, которые принято называть стандартами справедливого судебного разбирательства. При ознакомлении с текстом ст. 6 Конвенции заметны два основных блока таких стандартов. Первый блок содержит общие стандарты (относящиеся как к гражданским, так и к уголовным делам). Второй блок (ч. 2, 3 ст. 6 Конвенции), в свою очередь, охватывает специфические процессуальные гарантии, актуальные в сфере уголовного судопроизводства.

Переходя непосредственно к содержанию ст. 6 Конвенции, отметим, что конкретные стандарты

справедливого судебного разбирательства уже не раз получали глубокое доктринальное осмысление⁵. В настоящем исследовании во избежание излишних повторов мы откажемся от детального комментирования ст. 6 Конвенции. Вместо этого представляется более интересным рассмотреть данную статью и практику ее применения ЕСПЧ через призму основных судебных доктрин, используемых в международном правосудии. Кроме того, хронические проблемы российского уголовного процесса, проводимые преобразования гражданского процесса и наметившееся переосмысление российского административного судопроизводства актуализируют желание сопоставить текущее положение дел в российском правосудии с основными требованиями и запросами прецедентной практики ЕСПЧ. Для этих целей представляется уместным обратиться к постановлениям Европейского суда последних лет, что позволит составить представление о текущей «повестке» данного органа международного правосудия.

Право на справедливое судебное разбирательство в свете основных судебных доктрин, используемых ЕСПЧ. Понятие доктрины, и в частности судебной доктрины, прочно укоренилось в терминологическом аппарате современных исследователей. Как отмечает Т. Я. Хабриева, «в самом общем виде доктрину характеризуют как авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций»⁶. Уточнение понятия доктрины в одной только юридической науке было многовекторным: в настоящее время можно говорить о существовании общеправовых, теоретико-правовых, конституционных, законотворческих и многих других видов доктрин⁷. Наконец, в юридической науке и правоприменении прочно укоренились и судебные доктрины, вплоть до того, что некоторые исследователи рассматривают их как полноценный источник права⁸.

Большое значение судебные доктрины имеют и для международного правосудия. При использовании международным судом доктрина превращается из теоретической, подчас абстрактной концепции в практический инструмент решения задач, стоящих перед Судом. Исследователи отмечают, что таким образом доктрина превращается в правовой принцип и основанный на достижениях теории права метод раз-

³ Подробнее об интеграционном эффекте ЕКПЧ и практике ЕСПЧ см.: *Фокин Е. А.* Влияние практики Европейского суда по правам человека на правовую интеграцию государств: сближение национального процессуального права // *Международное правосудие как фактор интеграции* / под ред. А. И. Ковлера. М., 2019.

⁴ См., например: *Филатова М. А.* Стандарты процессуальных гарантий: понятие и источники // *Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики* / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 35—36.

⁵ См., например: *Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К.* Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016.

⁶ *Хабриева Т. Я.* Доктринальное значение российской Конституции // *Журнал российского права*. 2009. № 2. С. 23.

⁷ Наиболее развернутое их обобщение см.: *Шуберт Т. Э.* Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) // *Журнал российского права*. 2017. № 2. С. 48—56.

⁸ См.: *Мохов Р. М.* Судебная доктрина как источник права // *Политика, экономика и инновации*. 2018. № 4. С. 2—28.

решения судебных дел⁹. Безусловно, формирование доктрины не проходит сиюминутно: на ее зарождение, эволюцию, апробацию влияет множество факторов¹⁰. Но представляется однозначным, что у ЕСПЧ как у одного из наиболее востребованных органов международного правосудия существует объективная потребность в судебных доктринах: они призваны упорядочить прецедентную практику, облегчить (насколько это возможно) разрешение наиболее сложных и неоднозначных дел, обеспечить единообразие применяемых подходов и т. п.

Велико значение судебных доктрин и для толкования ст. 6 Конвенции. Эволюция толкования права на справедливое судебное разбирательство и эволюция формулируемых Судом доктрин проходили в тесной связке друг с другом.

Показательна, например, эволюция *доктрины эффективности*, основанной на ст. 13 Конвенции. Впервые данная доктрина была применена в деле *Golder v. United Kingdom*, в котором речь шла о том, что заявитель был лишен возможности инициировать судебный процесс и воспользоваться теми гарантиями, которые закреплены в ст. 6 ЕКПЧ. Британское правительство настаивало на достаточно формальном прочтении ст. 6 Конвенции, которое не предполагало наличия у заявителя права на доступ к Суду. Однако такой подход был Судом отвергнут со ссылкой на то, что он лишает право на справедливое судебное разбирательство эффективности и делает его чересчур формальным¹¹. Правовая позиция ЕСПЧ по делу Голдера положила начало формированию концепции доступности правосудия, к которой Суд впоследствии не раз обращался (в том числе и в российских делах).

Значительному обогащению смысла ст. 6 Конвенции способствовала *доктрина эволютивного толкования* (нередко упоминаемая как доктрина «эволюционного» толкования)¹², впервые сформулиро-

ванная в деле *Tyler v. United Kingdom*, которое не касалось права на справедливое судебное разбирательство. Однако именно в этом деле ЕСПЧ сформулировал позицию, согласно которой «Конвенция является живым инструментом, подлежащим толкованию... в свете условий современной жизни»¹³. Подход к Конвенции как к «живому инструменту» был взят Судом на вооружение и при рассмотрении жалоб по ст. 6 ЕКПЧ.

Вернемся к формулировке «в случае спора о гражданских правах и обязанностях». Думается, что уже подобной, во многом абстрактной, формулировкой была заложена объективная предпосылка эволютивного толкования. И действительно, вопрос применимости гражданско-правового аспекта ст. 6 к конкретным жалобам в практике Суда переосмысливался. Наиболее показателен пример с жалобами государственных служащих, инициировавших в национальных судах процессы против своих работодателей — государственных органов. Так, рассматривая вопрос о приемлемости жалобы *Pellegrin v. France*, ЕСПЧ занял достаточно жесткую позицию: трудовые споры служащих, действующих в официальном качестве, не подпадают под сферу «споров о гражданских правах и обязанностях», предусмотренных ст. 6 Конвенции¹⁴. Определенное зерно сомнений в верности этого подхода появилось в деле *Kanayev v. Russia*, обстоятельства которого также касались спора государственного служащего и административного органа. ЕСПЧ признал неприемлемой (по ст. 6 Конвенции) и эту жалобу, однако данное мнение не было единогласным: в частично несовпадающих особых мнениях судей Л. Лукаидеса и А. Ковлера указывалось на неприменимость к данной жалобе подхода по делу *Pellegrin*¹⁵.

Наконец, переломным стало дело *Vilho Eskelinen and Others v. Finland*, в котором государственные служащие (полицейские) обжаловали нарушение ст. 6 Конвенции в ходе рассмотрения национальным судом спора с финским Министерством внутренних дел¹⁶. Европейский суд, признавая жалобу приемлемой, подверг достаточно глубокой ревизии подход, заложенный в деле *Pellegrin* и признанный в итоге слишком категоричным. Взамен функционального подхода, учитывающего в основном лишь статус заявителя, Суд обозначил необходимость взвешивать

толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 96.

¹³ ECHR. *Tyler v. UK*. App. no. 5856/72. Judgment of 25 April 1978.

¹⁴ ECHR. *Pellegrin v. France*. App. no. 28541/95. Decision of 8 December 1999.

¹⁵ ECHR. *Kanayev v. Russia*. App. no. 43726/02. Decision of 27 July 2006.

¹⁶ ECHR. *Vilho Eskelinen and Others v. Finland*. App. no. 63235/00. Judgment of 19 April 2007.

⁹ См.: Романова Е. В. Судебная доктрина в системе источников налогового права США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 5; Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // Хабриева Т. Я., Кану-стин А. Я., Ковлер А. И. и др. Имплементация решений Европейского суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2019. С. 89.

¹⁰ Подробнее см.: Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6.

¹¹ ECHR. *Golder v. United Kingdom*. App. no. 4451/70. Judgment of 21 February 1975.

¹² А. И. Ковлер отмечает, что в немалой степени эволютивное толкование ст. 6 Конвенции состоялось благодаря «рос-сийским» делам. См.: Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект

и более детально рассматривать интересы заявителя: если имущественные, экономические и частноправовые интересы существенно преобладают над политическими и публичными, то такой спор является спором о гражданских правах и обязанностях по смыслу ст. 6 Конвенции. Ранее на основе применения такого «теста» была отвергнута, например, жалоба кандидата в мэры г. Владивосток В. Черепкова, полагавшего, что производство в российском суде по делу о нарушении его избирательных прав не соответствовало ст. 6 ЕКПЧ¹⁷.

Переосмысление подхода по делу *Pellegrin* в деле *Vilho Eskelinen* — яркий пример эволютивного толкования, что не скрывает и сам Суд: в п. 56 постановления по делу *Vilho Eskelinen* Суд прямо указал, что неприменение динамичного и эволютивного подхода может стать препятствием для совершенствования и реформирования прецедентной практики.

Отметим, что критерии применимости были выработаны практикой Суда и для уголовно-процессуального блока ст. 6 Конвенции. Так, применимость уголовно-правового аспекта права на справедливое судебное разбирательство определяется с помощью выработанных в практике ЕСПЧ критериев, впервые отраженных в деле *Engel and Others v. the Netherlands*, ими являются: квалификация правонарушения в национальном законодательстве в качестве уголовного, характер правонарушения, характер и степень суровости возможного наказания¹⁸.

При этом иной критерий был заложен в деле *Vassilios Stavropoulos v. Greece*: Суд сформулировал позицию, что если последствия судопроизводства (ограничения и лишения прав заявителя) сопоставимы с последствиями уголовного судопроизводства, то такое судопроизводство по смыслу ст. 6 Конвенции может быть признано уголовным, вне зависимости от того, как оно поименовано в национальном правовом порядке¹⁹.

Эволютивному толкованию тесно сопутствует и автономное толкование понятий, смысл которого сводится к тому, что Суд не связан понятийным аппаратом государств — членов Совета Европы и трактует понятия независимо от того, как они понимаются в национальном праве.

Автономное толкование понятий, безусловно, создает немало трудностей для практиков и немало поводов для дискуссии в научной сфере. От заявителя и государства-ответчика требуется способность абстрагироваться от их «родного» национального права и выстроить аргументацию с точки зрения сло-

жившейся практики ЕСПЧ. Здесь, однако, возникает еще одна практическая проблема, которую А. И. Ковлер емко называет «террор прецедента»²⁰: смысл некоторых понятий как мозаику необходимо собирать по различным судебным актам ЕСПЧ, подчас достаточно многочисленным.

Другую, не менее глубокую проблему отмечает П. Д. Блохин: доктрину автономного толкования взяли на вооружение и национальные конституционные суды. Это приводит к своеобразному размножению понятийных аппаратов, при их закономерном несопадении провоцируется конфликт толкований между национальными и международными судами²¹.

Большое значение автономное толкование понятий имеет и для осмысления права на справедливое судебное разбирательство. Так, уже рассмотренное понятие спора о гражданских правах и обязанностях толкуется Судом автономно: с точки зрения национального права спор может быть и административным, однако если имущественные и экономические элементы все же преобладают над публично-правовыми, то по смыслу ст. 6 ЕКПЧ такой спор является гражданским. Подобное несопадение можно наблюдать на примере дел о социальных пособиях и пенсиях. Данные выплаты лежат в плоскости финансового права, традиционно являющегося публично-правовой отраслью регулирования. Однако для Европейского суда первоочередное значение имеет имущественный интерес заявителей к этим выплатам, что позволяет рассматривать споры о взыскании пособий и пенсий как гражданско-правовые и, соответственно, распространять на них действие ст. 6 Конвенции²².

Как отмечал В. А. Туманов, неоднозначным с точки зрения ЕКПЧ и практики ЕСПЧ является даже понятие «суд», с которым, казалось бы, разночтений возникнуть не должно²³. В практике Европейского суда к данному понятию сложился функциональный подход. Для признания конкретного органа «судом» необходимо рассмотреть содержательные аспекты его деятельности, а именно: независимость от иных органов власти, наличие четкой процедуры и процессуальных гарантий, определенную устой-

²⁰ См.: Самые важные качества для юриста — честность и мужество. Интервью с профессором А. И. Ковлером. URL: <http://www.garant.ru/interview/645596/> (дата обращения: 24.06.2019).

²¹ См.: Блохин П. Д. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ: сравнительное исследование // Закон. 2019. № 6. С. 61—75.

²² ECHR. *Kumkin and Others v. Russia*. App. no. 73294/01. Judgment of 5 July 2007.

²³ См.: Туманов В. А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции. М., 2016. С. 16.

¹⁷ ECHR. *Cherepkov v. Russia*. App. no. 51501/99. Decision of 25 September 2004.

¹⁸ ECHR. *Engel and Others v. the Netherlands*. App. no. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72. Judgment of 8 June 1976.

¹⁹ ECHR. *Vassilios Stavropoulos v. Greece*. App. no. 35522/04. Judgment of 27 September 2007.

чивость итогового решения. Такой подход позволил ЕСПЧ отнести к «судам» ряд органов, которые к судебной власти прямого отношения не имеют: в делах *Casado Coca v. Spain*, *Schoepfer v. Switzerland* — жалобы на органы адвокатских сообществ, в деле *Campbell and Fell v. the United Kingdom* — жалобы на действия Совета тюремных попечителей, а в деле *Olsson v. Sweden* — жалоба на решение Совета по социальным вопросам²⁴.

В свете изложенного особенно интересно обратить внимание на недавнее дело Большой палаты *Denisov v. Ukraine*, как подтверждающее актуальность вышеописанных подходов Суда. В рамках данного дела бывший председатель Киевского апелляционного административного суда А. Денисов обжаловал процедуру по смещению его с должности, указывая, что как рассмотрение дела в Высшем совете юстиции (органе судейского сообщества), так и рассмотрение дела в судебных органах не соответствовали ст. 6 Конвенции. Большая палата Суда полностью согласилась с доводами о наличии нарушений права на справедливое судебное разбирательство, признав, что спор А. Денисова является гражданско-правовым, а Высший совет юстиции можно рассматривать по смыслу Конвенции как «суд»²⁵.

Наконец, через призму автономного и эволютивного толкования можно рассматривать и стандарт «суда, созданного на основании закона». В этом стандарте ЕСПЧ выделяет две сущностные части:

суд как орган должен быть создан на основании закона, который ясно и непротиворечиво устанавливает как его компетенцию, так и место в судебной системе;

состав суда по конкретному делу должен формироваться на основе порядка, предусмотренного законом и не дающего оснований усомниться в беспристрастности и независимости конкретных судей²⁶.

Ознакомление с недавней практикой ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что проблематика соответствия порядка формирования состава суда требованиям Конвенции пока остается актуальной. Так, нарушение ст. 6 Конвенции было установлено, например, в деле *Guðmundur Andri Ástráðsson*

v. Iceland, которое касалось создания в Исландии нового суда апелляционной инстанции. Заявитель по делу, не удовлетворенный производством в данной инстанции, указывал, что состав суда был сформирован по политическим мотивам и в нарушение установленного национальным процессуальным законодательством порядка. Эти доводы нашли поддержку у Суда, который признал нарушение стандарта суда, созданного на основании закона и требования беспристрастности. Заметим: в данном деле ЕСПЧ отметил, что не каждое нарушение порядка формирования состава суда можно признать нарушением ст. 6 Конвенции, а лишь такое, которое по своим признакам является серьезным (*flagrant breach of national law*). В свою очередь, концепция «серьезного» нарушения внутреннего законодательства связана с характером и серьезностью предполагаемых отклонений, а также учитывает, было ли нарушение внутренних норм о назначении судей преднамеренным или как минимум явным игнорированием подлежащего применению национально-го законодательства²⁷.

Думается, что постановлением по делу *Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland* ЕСПЧ подтвердил свои подходы, апробированные в том числе на российских жалобах. Так, процессуальная ситуация, возникшая в исландском деле, напоминает дело *Posokhov v. Russia*, в котором речь шла о ничем не подтвержденных полномочиях народных заседателей, входящих в состав по делу²⁸. Аналогично и в деле *Moiseyev v. Russia* Суд указал, что слишком частые замены состава рассматривающего дела суда, без оформления соответствующих процессуальных документов и указания на причины замены, порождают неустранимые сомнения в независимости и беспристрастности суда²⁹.

Еще одной востребованной в практике ЕСПЧ доктриной является доктрина «поля усмотрения» (*margin of appreciation*)³⁰. В общем виде этот методологический принцип означает, что ЕСПЧ устанавливает лишь фундаментальные основы правового регулирования, оставляя за рамками более частные и конкретные вопросы. «Поле усмотрения» создает для государства определенный (а подчас и достаточный значительный по объему) маневр, позволяющий самостоятельно определять содержательные аспекты своего законодательства.

Одной из наиболее сложных практических и теоретических проблем доктрины «поля усмотрения»

²⁴ См.: Туманов В. А. Указ. соч.

²⁵ ECHR. *Denisov v. Ukraine* [G. C.]. App. no. 76639/11. Judgment of 25 September 2018; Пименова С. Д. Европейский суд по правам человека: обзор постановления Большой палаты от 25 сентября 2018 года по делу «Денисов против Украины» (жалоба № 76639/11) // Международное правосудие. 2018. № 4. С. 21—28.

²⁶ Подробнее см.: Фокин Е. А. Имплементация права на суд, созданный на основании закона, в процессуальное законодательство Российской Федерации // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2019. № 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе. М., 2019. С. 92—103.

²⁷ ECHR. *Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland*. App. no. 26374/18. Judgment of 12 March 2019.

²⁸ ECHR. *Posokhov v. Russia*. App. no. 63486/00. Judgment of 4 March 2003.

²⁹ ECHR. *Moiseyev v. Russia*. App. no. 62936/00. Judgment of 9 October 2008.

³⁰ Зачастую переводится как «свобода усмотрения» или «пределы усмотрения», что видится дискуссионным.

ния» является поиск линии раздела между фундаментальными началами правового регулирования и вопросами, в регулировании которых государство свободно. При этом в некоторых конвенционных правах такой линии нет вообще, как и нет возможности усмотрения национального законодателя. Как отмечает А. И. Ковлер, данную доктрину невозможно применить к таким абсолютным правам, как право на жизнь, запрет пыток, запрет рабства, наказание исключительно на основании закона, право не быть судимым или наказанным дважды³¹. Можно ли продолжить этот ряд правом на справедливое судебное разбирательство? Еще в 70-е гг. XX в. М. Каппеллетти высказывал тезис о том, что ЕСПЧ своей прецедентной практикой создает «процессуальный кодекс Европы»³². Насколько актуален этот тезис сегодня?

Думается, на основе тенденций практики ЕСПЧ можно сделать вывод, что ст. 6 Конвенции — это статья с наиболее ярко выраженным полем усмотрения государств. Так, показательна практика Суда по вопросам права на бесплатную юридическую помощь. В деле *Airey v. Ireland* Суд отметил, что данное право Конвенцией не охватывается, однако у государства возникает обязанность по предоставлению бесплатной юридической помощи в случае, если:

1) внутригосударственные нормы обязывают заявителя быть представленным адвокатом на определенной (более высокой) стадии судопроизводства, например в кассационном, суде;

2) оказание бесплатной юридической помощи требуется по причине сложности процедуры или дела³³.

В деле *Granger v. the United Kingdom* ЕСПЧ сформулировал позицию о том, что категории дел, по которым оказывается такая помощь, определяются государством самостоятельно³⁴. Свободны государства и в выборе оснований для отказа в бесплатной юридической помощи: Суд, в частности, не нашел нарушений ст. 6 в отказе в предоставлении безвозмездных юридических услуг по мотивам общей безнадежности требований и притязаний заявителя в национальных судах³⁵.

В значительной степени с доктриной «поля усмотрения» связана и проблематика доказывания в на-

циональных судах. Несмотря на то что вопросы доказывания в ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ прямо не упоминаются, Европейский суд не лишен возможности проверять справедливость судебной процедуры в целом, без привязки к конкретной гарантии, закрепленной в ст. 6. Так, в деле *Schenk v. Switzerland* указывалось, что процедура доказывания в национальном суде была несправедливой: доказательства, уличающие заявителя (обвиняемого по уголовному делу), были получены незаконным путем, на что национальные суды не обратили внимания и фактически предоставили преференции стороне обвинения. ЕСПЧ признал, что перед ним стоит задача оценить справедливость судебного разбирательства в целом. Именно подобная оценка позволила прийти к выводу, что право заявителя на справедливое судебное разбирательство было нарушено³⁶.

О своей задаче рассматривать справедливость судебной процедуры в целом Суд напоминал многократно. Например, этот аргумент был использован в недавнем деле *Abdullaev v. Azerbaijan*: установленное ЕСПЧ нарушение ст. 6 Конвенции сводилось к формальной оценке доказательств в национальных судах и отказе приобщать к материалам дела видеозаписи, которые возможно имели существенное значение для рассматриваемого дела. Эти обстоятельства, по мнению Суда, порождали неустраняемые сомнения в общей справедливости судебной процедуры³⁷.

Вместе с тем следует сделать оговорку, что сама по себе общая неудовлетворенность заявителя состоявшейся в национальном суде процедурой доказывания еще не является основанием для признания судебной процедуры несправедливой. Об этом ясно свидетельствует и дело *SA-Capital Oy v. Finland*, в котором заявитель рассматривал как нарушение права на справедливое судебное разбирательство учет судом первой инстанции показаний с чужих слов (*hearsay*). ЕСПЧ пришел к выводу об отсутствии нарушения конвенционных требований, указав, что данные показания не были основным доказательством, которые легли в основу состоявшегося решения суда и, кроме того, доказательственная база была достаточно широкой, чтобы не сомневаться в общей справедливости судебной процедуры³⁸.

Любопытно также обратить внимание на соотношение «поля усмотрения» государств и фундаментальных требований ст. 6 Конвенции применительно к вопросам использования экспертиз по уголовным делам.

³¹ См.: Ковлер А. И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2. С. 85.

³² Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe // Michigan Law Review. 1971. Vol. 69. No. 5. P. 847—886.

³³ ECHR. *Airey v. Ireland*. App. no. 6289/73. Judgment of 9 October 1979.

³⁴ ECHR. *Granger v. the United Kingdom*. App. no. 11932/90. Judgment of 28 March 1990.

³⁵ ECHR. *Webb v. the United Kingdom*. App. no. 56054/00. Judgment of 10 February 2004.

³⁶ ECHR. *Schenk v. Switzerland*. App. no. 10862/84. Judgment of 12 July 1988.

³⁷ ECHR. *Abdullaev v. Azerbaijan*. App. no. 6005/08. Judgment of 7 March 2019.

³⁸ ECHR. *SA-Capital Oy v. Finland*. App. no. 5556/10. Judgment of 15 May 2019.

Так, по мнению Суда, в некоторых обстоятельствах для оспаривания заключения эксперта защита должна иметь возможность представить свои «экспертные доказательства»³⁹. При этом данное право не является абсолютным, и формы, в которых защита может обращаться за помощью к экспертам, могут различаться (иначе говоря, в поле усмотрения государств входит введение разумных ограничений рассматриваемого права)⁴⁰. Интересна позиция ЕСПЧ относительно российской практики разделения экспертов и специалистов. В деле *Matytsina v. Russia* Суд подчеркнул, что само различие между этими двумя статусами не является автоматическим нарушением, так как власти могут устанавливать правила сбора и предоставления защиты экспертных доказательств в суде. В то же время в указанном деле ЕСПЧ пришел к выводу, что в данном деле «это различие в сочетании с другими препятствиями, с которыми защита сталкивалась в ходе разбирательства в связи с использованием доказательств эксперта, поставили ее в невыгодное положение по отношению к обвинению». Так, в данном деле заключение эксперта играло ключевую роль, при этом защита не участвовала в процессе получения экспертных заключений на стадии расследования. Прокурор и суд отказали в проведении дополнительных экспертиз вопреки заключениям двух специалистов, представленным в ходе судебного разбирательства. Защита имела возможность обращаться за помощью только к «специалистам», чей статус был ниже статуса «экспертов», и, кроме того, защите не разрешалось представлять письменные мнения «специалистов»⁴¹.

Позиция Суда может варьироваться в зависимости от обстоятельств дела. Так, в недавнем деле *Hodžić v. Croatia* Суд пришел к выводу, что «в такой сложной области, как психическое состояние человека и прогноз его или ее опасности, может быть сложно оспорить заключение эксперта без помощи другого эксперта в соответствующей области»⁴².

Иными словами, вопросы процессуально-правового регулирования доказывания лежат как в поле усмотрения государств, так и в поле усмотрения конкретных национальных судов, рассматривающих конкретные дела. Конвенционное требование состоит в необходимости обеспечения общей справедливости судебного разбирательства, в том числе в обеспечении адекватной процедуры доказывания.

Кратко упомянем и о доктрине «четвертой инстанции», смысл которой сводится к тому, что ЕСПЧ

не является очередной национальной инстанцией по отношению к национальным судам. Данная доктрина возвращает нас к вышеупомянутому вопросу о том, что Суд не позиционирует себя как эксперт в национальном праве, а также к вопросу о процессуальном значении ст. 6 Конвенции. При попытках обжаловать по существу судебные акты национальных судов, «загружая» жалобу тонкостями национального права, а также сведениями о том, что национальные суды применили его неправильно, есть все шансы получить от ЕСПЧ ответ, что «местный суд — это куда более подходящее место для национального права» с соответствующим решением о признании жалобы неприемлемой. Доктрина «четвертой инстанции» также неоднократно привлекала внимание ученых⁴³.

Таким образом, можно заключить, что судебные доктрины, определяющие основные методологические принципы рассмотрения Судом жалоб, в полной мере выполняют свои функции и применительно к делам по ст. 6 Конвенции. Благодаря их совокупному использованию право на справедливое судебное разбирательство регулярно получает свое современное звучание при общей неизменности текста Конвенции.

Уголовно-процессуальный аспект ст. 6 Конвенции: отдельные тенденции. Рассмотрев методологические подходы Суда к применению ст. 6 Конвенции, остановимся подробнее на уголовно-процессуальном блоке данной статьи. Не оспаривая большого значения гражданско-правового аспекта права на справедливое судебное разбирательство, все же отметим, что нарушения прав человека в уголовно-процессуальной сфере могут приносить куда больший, а подчас и непоправимый вред. Этим и объясняется значительное внимание ЕСПЧ именно к уголовным аспектам справедливого судебного разбирательства, что подтверждает традиционно большое количество рассматриваемых по существу жалоб.

Отказ вызвать свидетеля защиты. Как пишет Г. В. Диков, «ст. 6, § 3(d), содержит в себе две гарантии, которые часто дополняют друг друга, но могут рассматриваться и по отдельности. Во-первых, это право допрашивать свидетелей на суде, во-вторых, право допрашивать их на тех же условиях, на которых допрос проводит сторона обвинения»⁴⁴. Важно также помнить о том, что термин «свидетель» является автономным, т. е. не зависит от определения статуса национальным законодательством. Долгое время Суд в этом вопросе отталкивался от своей по-

³⁹ ECHR. *Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*. App. no. 11082/06, 13772/05, § 731. Judgment of 25 July 2013.

⁴⁰ Ibid. § 732.

⁴¹ ECHR. *Matytsina v. Russia*. App. no. 58428/10. Judgment of 27 March 2014.

⁴² ECHR. *Hodžić v. Croatia*. App. no. 28932/14, § 74, 4 April 2019.

⁴³ См.: *Dahlberg M.* “It Is Not Its Task to Act as a Court of Fourth Instance”: The Case of the European Court of Human Rights // *European Journal of Legal Studies*. 2014. Vol. 7. No. 2. P. 78—108.

⁴⁴ Диков Г. В. Непосредственное исследование доказательств судом и право защиты допрашивать свидетелей // *Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики* / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 375.

зиции, обозначенной в деле *Perna v. Italy*. В постановлении по этому делу был сформулирован двухуровневый тест для определения того, привел ли отказ вызвать свидетеля к нарушению ст. 6 Конвенции. Согласно тесту необходимо, во-первых, чтобы ответчик обосновал актуальность показаний для «установления истины» и, во-вторых, привел доказательства того, что отказ вызвать данного свидетеля подрывал общую справедливость разбирательства⁴⁵.

Одним из новых постановлений Суда, заслуживающих внимания, является постановление по делу *Murtazaliyeva v. Russia*. Данное дело касалось уголовного преследования женщины, признанной виновной в подготовке террористического акта в торговом центре «Охотный ряд» в Москве. Заявительница рассматривала как нарушение ст. 6 Конвенции отказ национальных судов вызывать для допроса ряд свидетелей, а также отказ просматривать видеозаписи, имеющие значение для дела. ЕСПЧ не усмотрел нарушения «общей справедливости судебного процесса», указав на достаточность доказательственной базы в материалах дела, а также напомнив, что не может действовать как суд четвертой инстанции по отношению к национальным судам⁴⁶.

В деле Муртазалиевой Большая палата уточнила ранее выведенные в деле *Perna v. Italy* критерии, при которых отказ вызвать свидетелей является нарушением ст. 6 Конвенции.

Так, Суд напомнил со ссылкой на дело *Dorokhov v. Russia*⁴⁷, что «отклонение ходатайства без объяснения причин или “молчания”» национальных судов в отношении достаточно аргументированного и уместного ходатайства о вызове свидетеля защиты не обязательно означает нарушение статьи 6. Данное утверждение Суд подкрепил ссылкой на дело *Guilloury v. France*: «Поскольку общая справедливость судебного разбирательства является основополагающим критерием в соответствии со статьей 6, заявитель должен продемонстрировать не только то, что конкретный свидетель защиты не был допрошен, но также и то, что допрос этого свидетеля был необходим, и что отказ от такого вызова свидетеля нанес ущерб праву на защиту»⁴⁸. Затем Суд сформулировал новые критерии для оценки правомерности отказа в вызове свидетелей:

1) было ли ходатайство о допросе свидетеля в достаточной мере обосновано и относилось ли к предмету обвинения;

2) рассмотрели ли национальные суды актуальность этих показаний и предоставили ли они достаточные основания для своего решения не допрашивать свидетеля в суде;

3) подрывало ли решение национальных судов о допросе свидетеля общую справедливость разбирательства.

В данном деле Суд развивает свою практику таким образом, что даже при нарушении какого-либо из двух первых критериев, если третий критерий не был нарушен, соответственно, и нарушения не было. Это значимое изменение, которое показывает, что Суд в данном случае пошел по пути предоставления большей свободы усмотрения государствам.

Обратим внимание, что позиция Суда по делу Муртазалиевой не была единогласной. Так, судья Пинто де Альбукерке критически оценил сам подход Суда, который проводит различия между свидетелем защиты и свидетелем обвинения. Судья отметил, что это, во-первых, приводит к разным стандартам в их отношении, во-вторых, не всегда вызванный защитой свидетель свидетельствует в пользу обвиняемого, и наоборот, а в-третьих, свидетели *ex officio* и судмедэксперты не попадают в данную классификацию⁴⁹.

Право на защиту. Как известно, согласно сформировавшейся практике ЕСПЧ право на помощь адвоката может быть ограничено при соблюдении определенных условий. В деле *Salduz v. Turkey* ЕСПЧ сделал следующий вывод: «Даже при наличии убедительных оснований, которые в исключительных случаях могут оправдать лишение возможности пользоваться услугами адвоката, такое ограничение, какими бы соображениями оно ни было оправдано, не должно излишне ущемлять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции... Праву на защиту будет нанесен непоправимый ущерб, если изобличающие показания, данные во время допроса сотрудникам полиции, в ходе которого у допрашиваемого не было возможности прибегнуть к помощи адвоката, будут использованы для вынесения обвинительного приговора»⁵⁰. Критерий, сформулированный в деле Салдуз, на основании которого определяется, соответствует ли ограничение доступа к адвокату праву на справедливое разбирательство дела, имеет два аспекта. Во-первых, Суд должен определить, имелись ли убедительные основания для такого ограничения. Во-вторых, он должен оценить ущерб, который это ограничение причинило праву на защиту. То есть Суд должен определить, как повлияло это ограничение на общую справедливость производства по делу, и решить, было ли справедливым все производ-

⁴⁵ ECHR. *Perna v. Italy* [GC]. App. no. 48898/99, Judgment of 6 May 2003.

⁴⁶ ECHR. *Murtazaliyeva v. Russia* [GC]. App. no. 36658/05, § 141, Judgment of 18 December 2018.

⁴⁷ ECHR. *Dorokhov v. Russia*. App. no. 66802/01. Judgment of 14 February 2008.

⁴⁸ ECHR. *Guilloury v. France*. App. no. 62236/00. Judgment of 22 June 2006.

⁴⁹ Dissenting opinion of Judge Pinto De Albuquerque, *Murtazaliyeva v. Russia* [GC]. App. no. 36658/05, 18 December 2018. § 7—8.

⁵⁰ ECHR. *Salduz v. Turkey* [GC]. App. no. 36391/02, Judgment of 27 November 2008.

ство по делу в целом. Например, первому критерию будет соответствовать ситуация, когда право было ограничено в связи с наличием безотлагательной необходимости предотвращения серьезных негативных последствий для жизни, свободы или физической неприкосновенности человека. При этом «ограничение доступа к юридической помощи допускается лишь в исключительных случаях, оно должно иметь временный характер и опираться на индивидуальную оценку конкретных обстоятельств дела».

Позднее в деле *Ibrahim and Others v. the United Kingdom* Суд уточнил критерии, установленные в деле *Салдуз*. ЕСПЧ отметил, что «общая опасность утечек без дополнительных уточнений не может являться убедительными основаниями, оправдывающими ограничение доступа к адвокату»⁵¹. В этом же деле Суд отметил, что «отсутствие убедительных оснований само по себе не приводит к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции». Но при отсутствии убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи Европейский суд должен очень строго подходить к оценке справедливости производства по делу. Отсутствие уведомления о праве на адвоката, праве хранить молчание и праве не свидетельствовать против самого себя осложнит государству-ответчику опровержение презумпции несправедливости в ситуации, когда доступ к адвокату был задержан. Указанное дело также вновь подтвердило позицию о том, что «уголовное обвинение», как и право на юридическую помощь, «существует с того момента, когда компетентный орган официально уведомил человека о заявлении о том, что он совершил уголовное преступление, или с того момента, когда на его положение существенно повлияли действия, предпринятые властями как результат подозрения против него».

В недавнем деле *Beuze v. Belgium* Суд перечислил, какие аспекты, по его мнению, на данный момент включает право на адвоката. Так, подозреваемые должны иметь возможность вступать в контакт с адвокатом с момента их задержания, в том числе до допроса или когда допроса нет, а адвокат должен иметь возможность посоветоваться со своим клиентом наедине и получить конфиденциальные инструкции. Подозреваемые имеют право на то, чтобы их адвокат присутствовал физически во время их первоначальных допросов в полиции и всякий раз, когда они допрашиваются в ходе последующих досудебных разбирательств⁵². Кроме того, ЕСПЧ выделил ограничения, которые, в зависимости от обстоятельств, могут подорвать справедливость разбирательства: отказ или трудности, с которыми

столкнулся адвокат при получении доступа к материалам уголовного дела, на самых ранних стадиях уголовного разбирательства или в ходе предварительного следствия; неучастие адвоката в следственных действиях, таких как парады по установлению личности⁵³.

Еще одним актуальным вопросом в контексте уголовно-процессуального аспекта ст. 6 Конвенции является *право на самостоятельное представительство*.

В деле *Correia de Matos v. Portugal* заявитель жаловался на то, что согласно национальному законодательству всем обвиняемым, которым грозит лишение свободы, полагается обязательное представительство, что не давало возможности заявителю представлять свои интересы самостоятельно. ЕСПЧ, рассматривая данное ограничение, пришел к выводу о том, что «основная цель положений законодательства Португалии об обязательном юридическом представительстве в уголовном судопроизводстве заключается в обеспечении надлежащего осуществления правосудия и справедливого судебного разбирательства, соблюдающего право обвиняемого на равенство сторон. Европейский суд полагает, что приведенные мотивы для требования об обязательной помощи в целом и в настоящем деле являлись относимыми и достаточными, отметив, что в данном вопросе государства обладают полем усмотрения⁵⁴. Суд расценил разбирательство как в целом справедливое и пришел к выводу об отсутствии нарушения конвенционных требований. Интересным является тот факт, что позднее данный заявитель обратился в Комитет ООН по правам человека, который, однако, признал его право нарушенным. Кроме того, решение Большой палатой было вынесено при девяти голосах «за» и восьми голосах «против», что свидетельствует о его дискуссионном характере. Представляется, что подходы Суда по вопросу возможности (или невозможности) самостоятельного представительства могут претерпеть эволюцию и изменения, равно как это было, например, с жалобами государственных служащих, в конечном счете признанных подпадающими под критерии спора о гражданских правах и обязанностях. Как отмечают судьи Алеш Пейхал и Кшиштоф Войтычек в несовпадающем особом мнении к постановлению по делу *Correia de Matos v. Portugal*, по данному вопросу «универсальный

⁵¹ ECHR. *Ibrahim and Others v. the United Kingdom* [GC]. App. no. 50541/08 and 3 others, Judgment of 13 September 2016.

⁵² ECHR. *Beuze v. Belgium* [GC]. App. no. 71409/10, Judgment of 9 November 2018.

⁵³ Подробнее о деле *Beuze v. Belgium* в контексте сложившейся практики ЕСПЧ см.: Дедов Д. В., Гаджиев Х. И. Обзор практики Большой палаты Европейского суда по правам человека (ноябрь—декабрь 2018 г.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 55—63.

⁵⁴ ECHR. *Correia de Matos v. Portugal* [GC]. App. no. 56402/12, § 159, 4 April 2018.

стандарт намного шире, чем региональный, установленный прецедентной практикой Европейского суда»⁵⁵.

Еще одной уголовно-процессуальной проблемой, к которой Суд обращается с относительной регулярностью, является проблема *предоставления обвиняемым услуг переводчика*. Дж. Брэннан отмечает ряд «серых зон» — вопросов, по которым практика Суда не сложилась, но которые так или иначе требуют разрешения. К таким вопросам исследователь относит:

что вкладывается в понятие «переводчика», используемое в ст. 6 Конвенции;

следует ли переводить все части судебного разбирательства либо достаточно краткого резюме или выдержки;

следует ли предоставлять переводчика для общения с адвокатом;

как обеспечить (и проверить) качество перевода и компетентность переводчика⁵⁶.

Ответ на указанные вопросы отчасти был дан в недавнем деле *Vizgirda v. Slovenia*. Осужденный и приговоренный к тюремному сроку в Словении гражданин Литвы обжаловал то, что он не мог эффективно защищать себя во время судебного разбирательства: устные выступления и процессуальные документы были переведены не на родной для него литовский, а на русский язык, который он понимал с трудом. Признавая нарушение ст. 6 Конвенции, ЕСПЧ отметил, что обвиняемый, который не владеет языком, используемым в национальном суде, имеет право на бесплатную помощь переводчика для перевода всех тех документов и материалов, которые ему необходимо понять, с тем чтобы право на справедливое судебное разбирательство было обеспечено. Вместе с тем Суд признал, что письменный перевод всех письменных доказательств или официальных документов в полном объеме необязателен, достаточно и устной помощи переводчика. В целом «предоставляемая помощь в переводе должна быть такой, чтобы дать ответчику не только возможность ознакомиться с возбужденным против него делом, но и защитить себя, в том числе довести до суда свою позицию»⁵⁷.

Стоит упомянуть и дело *Brozicek v. Italy*, в котором заявителю неитальянского происхождения сообщили о возбуждении уголовного дела против него на

итальянском языке. Заявитель сообщил в прокуратуру, что ему трудно понять содержание этого сообщения по лингвистическим причинам и просил использовать свой родной язык или один из официальных языков ООН, однако эта просьба была оставлена без удовлетворения как прокуратурой, так и судом, который к тому же приписал заявителю хорошее знание итальянского языка. ЕСПЧ указал, что «по получении ходатайства заявителя итальянские судебные органы должны были принять меры для его удовлетворения, с тем чтобы обеспечить соблюдение требований подпункта “а” пункта 3 статьи 6... если только они не были в состоянии установить, что заявитель действительно имел достаточные знания итальянского языка и мог понять из уведомления смысл письма, уведомляющего его о выдвинутых против него обвинениях»⁵⁸.

В деле *Amer v. Turkey* Суд обнаружил нарушение § 1 ст. 6 в совокупности с § 3(е) ст. 6 Конвенции. Заявитель, не являясь носителем турецкого языка, был допрошен без участия переводчика и вынужден подписать написанные следователем рукописно на турецком языке показания. Во время судебного заседания в зале находился переводчик, но заявитель давал показания на турецком. ЕСПЧ отметил, что, хотя заявитель и говорил по-турецки, «не менее важно отметить неоспоренное утверждение заявителя о том, что он не мог читать турецкие тексты, особенно если они не были печатными»⁵⁹. Суд подтвердил, что право на переводчика распространяется в том числе на документальные материалы и досудебное производство.

Право на справедливое судебное разбирательство и современное российское правосудие по гражданским и административным делам. Богатейшая прецедентная практика ЕСПЧ, безусловно, полезна при реформировании национальных судебных систем. Как было отмечено ранее, российская судебная система переживает многоаспектное и разноплановое реформирование. С точки зрения стандартов справедливого судебного разбирательства особые интересы представляют:

подготовка нового Кодекса об административных правонарушениях;

реформа системы судов общей юрисдикции: создание самостоятельных апелляционных и кассационных судов;

масштабные и значительные изменения гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Рассмотрим указанные преобразования подробнее.

Так, не вызывают сомнений своевременность и целесообразность реформирования законодательства

⁵⁵ Joint Dissenting Opinion of judges Pejchal and Wojtyczek, *Correia de Matos v. Portugal* [GC]. App. no. 56402/12, § 11, 4 April 2018.

⁵⁶ См.: *Brannan J.* ECHR Case-Law on the Right to Language Assistance in Criminal Proceedings and the EU Response. URL: https://e-justice.europa.eu/content_criminal_law-255--maximizeMS-en.do?clang=en&idSubpage=6&member=1 (дата обращения: 28.06.2019).

⁵⁷ ECHR. *Vizgirda v. Slovenia*. App. no. 59868/08. Judgment of 28 August 2018.

⁵⁸ *Brozicek v. Italy*, 19 December 1989, § 41, Series A. no. 167.

⁵⁹ *Amer v. Turkey*. App. no. 25720/02, § 82, 13 January 2009.

об административных правонарушениях. Проблематика административной ответственности становится в российском правовом порядке одной из наиболее злободневных и актуальных: к примеру, на IX Петербургском международном юридическом форуме был проведен круглый стол «Надзорная реформа: от регуляторного хаоса к умному контролю», на котором значительное внимание практикующих юристов было уделено в первую очередь острой необходимости переосмысления законодательства об административных правонарушениях⁶⁰. Сохраняются в связи с этим и проблемы теоретическо-концептуального свойства: ученые ведут активные дискуссии, например о роли суда в производстве по делу об административных правонарушениях⁶¹.

В настоящее время подготовлена и опубликована Концепция нового кодекса об административных правонарушениях⁶².

Определенные пути реформирования были заданы и Европейским судом по правам человека. Так, принципиальное значение для российского административного права имеет дело *Karelin v. Russia*. ЕСПЧ признал российское производство по делам об административных правонарушениях недостаточно эффективным: в частности, было указано на отсутствие институциональных гарантий, обеспечивающих независимость суда при рассмотрении административного дела, а также на необходимость участия государственного обвинителя в судебном процессе по привлечению лица к административной ответственности⁶³. К данной проблеме ЕСПЧ вернулся и в постановлении по недавнему делу *Elvira Dmitrieva v. Russia*, напомнив о том, что отсутствие в российском судопроизводстве по делу об административном правонарушении фигуры государственного обвинителя нарушает требование беспристрастности суда, предусмотренное ст. 6 Конвенции, так как роль обвинения часто на себя берет судья⁶⁴.

Вышеупомянутая Концепция нового кодекса об административных правонарушениях не предусматривает введения в судопроизводство по делам об административных правонарушениях государственного обвинителя, ограничиваясь констатацией необхо-

димости расширения процессуальных возможностей прокурора. Не планируется требуемых ЕСПЧ изменений и в процессуальное законодательство. Такой подход порождает сомнения в эффективности проводимых преобразований административного судопроизводства.

Другим направлением преобразований является «ввод в эксплуатацию» апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции с осени 2019 г. Как многократно упоминал А. И. Ковлер, ЕСПЧ ознакомился со всеми российскими моделями пересмотра судебных актов, существовавшими с 1964 г., а надзорная инстанция предстает перед Судом как одна из главных загадок российского правосудия (вплоть до того, что слово «надзор» в Страсбурге понимают без перевода)⁶⁵. Это провоцирует осторожное желание сопоставить новые российские судебные инстанции с подходами, выработанными практикой ЕСПЧ.

Напомним, что в решении по жалобе *R. M. Abramyan, S. V. Yakubovskiy, A. V. Yakubovskiy v. Russia* российскому правосудию был оказан определенный кредит доверия: кассационная инстанция, существовавшая в суде субъекта РФ, была признана эффективным средством правовой защиты⁶⁶. Введенная с 1 октября 2019 г. модификация кассационных судов общей юрисдикции (и производства в них) выгодно отличается от той, с которой имели дело Абрамян и Якубовские: в частности, законодатель принял решение отказаться от «входного фильтра» поступающих кассационных жалоб и перейти к сплошной кассации.

Кроме того, реформа «разъединяет» судебные инстанции по разным судам, исключая ситуацию, при которой одно и то же дело рассматривается в разных инстанциях одним и тем же судом. Озабоченность в связи с совмещением различных инстанционных функций в пределах одного суда ЕСПЧ высказывал, например, в деле *Kot v. Russia*⁶⁷.

Вместе с тем представляется преждевременной позиция О. В. Брежнева, полагающего, что «большим достоинством новой системы судебных инстанций является то, что она обеспечивает равные возможности обжалования судебных актов, вне зависимости от категории дела и от того, какой суд его рас-

⁶⁰ URL: <https://spblegalforum.ru/ru/programme/1556921001454>.

⁶¹ См.: Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сб. науч. ст. / отв. за выпуск А. И. Стахов. М., 2018.

⁶² Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (по состоянию на 10.06.2019). URL: <http://static.government.ru>.

⁶³ ECHR. *Karelin v. Russia*. App. no. 926/08. Judgment of 20 September 2016.

⁶⁴ ECHR. *Elvira Dmitrieva v. Russia*. App. no. 60921/17 and 7202/18. Judgment of 30 April 2019.

⁶⁵ См.: Ковлер А. И. Российское правосудие в свете правовых позиций Европейского суда по правам человека // Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017. С. 406—419.

⁶⁶ ECHR. Robert Mikhaylovich Abramyan, Sergey Vladimirovich Yakubovskiy, Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy v. Russia. App. no. 38951/13 and no. 59611/13. Decision of 12 May 2015.

⁶⁷ ECHR. *Kot v. Russia*. App. no. 20887/03. Judgment of 18 January 2007.

сма­три­вал в пер­вой ин­стан­ции»⁶⁸. Ду­ма­ет­ся, что как раз рав­ные воз­мож­но­сти зая­ви­те­лей в про­во­ди­мой ре­фор­ме от­сут­ст­вуют. Об­ра­тим вни­ма­ние, соз­да­ние апел­ля­ци­он­ных и кас­са­ци­он­ных су­дов об­щей юрис­дик­ции ве­дет­ся во мно­гом по об­раз­цу ар­би­траж­ных су­дов, в си­сте­ме ко­то­рых прак­ти­че­ски из­на­чаль­но был ус­пеш­но вве­ден прин­цип «од­но звено — од­на ин­стан­ция»⁶⁹. Од­на­ко ме­жду ар­би­траж­ны­ми су­да­ми и су­да­ми об­щей юрис­дик­ции есть су­ще­ст­вен­ные раз­ли­чия. Так, в су­ды об­щей юрис­дик­ции в 2018 г. по­сту­пи­ло 23 212 755 гра­ждан­ских дел, а в ар­би­траж­ные су­ды — 2 099 517⁷⁰. Мож­но за­клю­чить, что су­ды об­щей юрис­дик­ции рас­сма­три­ва­ют ми­ни­мум в 11 раз боль­ше дел, чем ар­би­траж­ные су­ды (и это не беря во вни­ма­ние угод­ные де­ла). При этом в си­сте­ме ар­би­траж­ных су­дов ра­бо­та­ют 21 ар­би­траж­ный апел­ля­ци­он­ный суд и 10 су­дов ок­ру­га (вы­пол­ня­ю­щих функ­цию кас­са­ции), од­на­ко в си­сте­ме су­дов об­щей юрис­дик­ции ре­фор­ма пре­дус­ма­три­ва­ет лишь пять апел­ля­ци­он­ных су­дов и де­вят­ь кас­са­ци­он­ных су­дов. Ду­ма­ет­ся, что та­кую ог­ром­ную дис­про­пор­цию сла­бо ком­пен­си­ру­ет и то, что от­дель­ные функ­ции по рас­смот­ре­нию дел в апел­ля­ци­он­ном по­ря­д­ке у рай­он­ных (го­род­ских) су­дов и у су­дов субъ­ек­та РФ все же оста­ют­ся.

Не­мно­го­чис­лен­ность апел­ля­ци­он­ных и кас­са­ци­он­ных су­дов ро­ждает и оп­ре­де­лен­ные сом­не­ния в их тер­ри­то­ри­аль­ной дос­туп­но­сти, все ча­ще вы­ска­зы­ва­е­мые рос­сий­ски­ми юри­ста­ми. Так, Е. А. Бори­со­ва в хо­де круг­ло­го сто­ла в учеб­ном цен­тре «Кон­суль­тант плюс» в фев­ра­ле 2019 г. пред­ло­жи­ла учас­тни­кам ме­ро­прия­тия за­да­чу: как зая­ви­те­лю кас­са­ци­он­ной жа­ло­бы доб­рать­ся до кас­са­ци­он­ной ин­стан­ции, ес­ли по пер­вой ин­стан­ции де­ло бы­ло рас­смот­ре­но в Ир­кут­ской об­ла­сти? По ито­гам об­суж­де­ния вы­яс­ни­лось, что в ус­ло­виях от­сут­ст­вия пря­мо­го же­лез­но­до­рож­но­го и авиасо­об­ще­ния ме­жду Ир­кут­ском и г. Ке­ме­ро­во (где на­хо­дит­ся Вос­ь­мой кас­са­ци­он­ный суд об­щей юрис­дик­ции) на­иболее де­ше­вым и бы­стрым спо­со­бом доб­рать­ся яв­ля­ет­ся ави­апе­ре­лет из Ир­кут­ска до Мос­квы, а за­тем из Мос­квы до Ке­ме­ро­во, что, оче­вид­но, соз­да­ет фи­нан­со­вые труд­но­сти и зна­чи­тель­ные вре­мен­ные за­тра­ты для учас­тни­ков су­деб­но­го про­цес­са.

Конеч­но, на те­ку­щем эта­пе прак­ти­че­ски не­воз­мож­но пре­дуга­дать ре­ак­цию ЕСПЧ на но­вую мо­ди­

фи­ка­цию си­сте­мы пе­ре­смот­ра в су­дах об­щей юрис­дик­ции, тем бо­лее что Суд еще не рас­сма­три­вал во­прос, мож­ет ли тер­ри­то­ри­аль­ная не­дос­туп­ность су­да стать са­ма по се­бе ос­но­ва­ни­ем для ус­та­нов­ле­ния на­ру­ше­ния ст. 6 Кон­вен­ции. Но это скор­ее свя­за­но с тем, что в Со­ве­те Ев­ро­пы не на­блю­да­ет­ся го­су­дар­ства, по пло­ща­ди со­по­ста­ви­мо­го с Рос­си­ей. Кро­ме то­го, ве­ро­ят­но, что Суд впол­не мож­ет за­ин­те­ре­со­вать­ся во­про­сом, обес­пе­чи­ва­ет­ся ли ре­аль­ный ха­рак­тер су­деб­ной за­щи­ты при столь яв­ных за­труд­не­ниях в пре­одо­ле­нии рас­сто­я­ния до ком­пе­тен­тной су­деб­ной ин­стан­ции. Так или ина­че, на те­ку­щем эта­пе це­лесо­об­раз­ной ви­дит­ся раз­ра­бот­ка до­пол­ни­тель­ных про­цес­су­аль­ных га­ран­тий для уча­ст­вую­щих в де­ле лиц в свя­зи с про­во­ди­мы­ми су­до­ус­трой­ст­вен­ны­ми пре­об­разо­ва­ния­ми.

О ев­ро­пей­ских стан­дар­тах спра­вед­ли­во­го су­деб­но­го раз­би­ра­тель­ства за­ста­в­ля­ют за­ду­мать­ся и мас­штаб­ные из­ме­не­ния про­цес­су­аль­но­го за­ко­но­да­тель­ства⁷¹. В рам­ках на­сто­я­ще­го ис­сле­до­ва­ния мы ог­ра­ни­чим­ся лишь од­ним пред­ло­жен­ным из­ме­не­ни­ем, ко­то­рое тем не ме­нее ста­ло ед­ва ли не са­мым дис­кус­си­он­ным. Оно ка­са­ет­ся пе­ре­смот­ра тре­бо­ва­ний к со­дер­жа­нию су­деб­но­го ре­ше­ния и от­ка­за от обя­за­тель­но­го ха­рак­те­ра мо­ти­ви­ро­воч­ной ча­сти. Ого­во­рим­ся, что на се­го­дняш­ний день дан­ная иници­а­ти­ва на­хо­дит­ся в «за­мо­ро­жен­ном» ви­де, од­на­ко есть стой­кое ощу­ще­ние, что она бу­дет ре­ани­ми­ро­ва­на и офор­мле­на в ви­де за­ко­но­про­ек­та. Бо­лее то­го, в упрощенном про­из­вод­стве (а зна­чит, и в при­мер­но тре­ти дел, рас­сма­три­ва­е­мых ар­би­траж­ны­ми су­да­ми) мо­ти­ви­ро­воч­ная ча­сть не из­го­тов­ля­ет­ся, что за­ста­в­ля­ет вер­нуть­ся к рас­смот­ре­нию дан­но­го во­про­са.

Ка­жет­ся, что идея от­ка­за от мо­ти­ви­ро­воч­ной ча­сти за пре­де­ла­ми Вер­хов­но­го Су­да РФ так и не на­шла сто­рон­ни­ков. Про­тив­ни­ки «про­цес­су­аль­ной ре­во­лю­ции» при этом не­ред­ко ис­ка­ли аргументы в прак­ти­ке ЕСПЧ. Од­на­ко при этом тезис «от­ка­з от мо­ти­ви­ро­воч­ной ча­сти про­ти­во­ре­чит ст. 6 ЕКПЧ» яв­ля­ет­ся чрез­мер­но упрощенным под­хо­дом к про­бле­ме. Дей­стви­тель­но, в ря­де дел Суд выс­ка­зы­вал по­зи­цию о на­личии у мо­ти­ви­ро­ван­но­го ре­ше­ния чет­ких и кон­крет­ных функ­ций: обес­пе­чить воз­мож­ность пол­ноценной про­вер­ки в вы­ше­сто­я­щих ин­стан­циях, про­де­мон­стри­ро­вать сто­ро­нам, что их до­во­ды бы­ли вос­при­ня­ты, пре­дос­та­вить об­ще­ст­вен­но­сти воз­мож­ность озна­ко­мить­ся с ра­бо­той су­да⁷². ЕСПЧ мно­го­крат­но ука­зы­вал на обя­зан­ность на­ци­о­наль­но­го су­да при­во­дить до­во­ды в обос­но­ва­ние ре­ше­ния чет­ко,

⁶⁸ Брежнев О. В. Реформа судебной системы России 2018 г.: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 47.

⁶⁹ Об этом упоминают и авторы реформы: Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134—146.

⁷⁰ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 27.06.2019).

⁷¹ Подробнее см., например: Решетникова И. В. Новейшие изменения в арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 2. С. 59—64.

⁷² ECHR. Hirvisaari v. Finland. App. no. 49684/99. Judgment of 27 September 2001.

непротиворечиво и ясно⁷³. Однако ЕСПЧ не высказывал позицию о том, что мотивированное решение составляется автоматически и по общему правилу. Напротив, в ряде дел Суд напоминал, что от сторон требуется активное, инициативное и старательное поведение⁷⁴, в том числе для совершения определенных процессуальных действий со стороны суда могут требоваться действия сторон — обращения с ходатайствами и заявлениями.

В свою очередь, как в ныне действующей модели упрощенного производства, так и в предложенной Верховным Судом РФ общей модели судопроизводства мотивировочная часть судебного решения изготавливается при наличии соответствующего запроса сторон (который, как представляется, может быть предъявлен и до окончания судебного процесса). В связи с этим нельзя утверждать, что мотивировочная часть судебного решения предлагается к полному упразднению.

Другой вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, касается несовпадения понятий «мотивировочная часть» и «мотивированное судебное решение». Судебная практика многих лет демонстрирует массу примеров, когда и при наличии мотивировочной части судебного решения само судебное решение признавалось немотивированным. Речь идет о крайне слабом и поверхностном обосновании позиции суда, не подкрепленном достаточными доводами и аргументами. В 2008 г. на обилие подобных слабомотивированных решений обращал внимание А. Р. Султанов⁷⁵, а в 2017 г. — судья Арбитражного суда Уральского округа Н. Г. Беляева, обобщившая практику отмен судебных актов нижестоящих инстанций ввиду отсутствия должной мотивировки⁷⁶. Более того, низкое качество обоснования решений российскими судами уже было в поле внимания ЕСПЧ, который признал подобное положение вещей противоречащим ст. 6 Конвенции⁷⁷.

Иными словами, основной проблемой видится не инициатива по предоставлению суду возможности не составлять мотивировочную часть судебного решения, а все чаще встречающаяся неспособность российских судов полноценно обосновать свою пози-

цию. Эта проблема, очевидно, еще ждет своей детальной проработки и решения.

Хронические проблемы российского уголовного процесса в постановлениях ЕСПЧ. Прежде чем переходить к конкретным проблемам российского уголовного процесса в свете практики ЕСПЧ, обратим внимание на ряд статистических данных, а именно на количество уголовных дел, отправленных на пересмотр в связи с установленным Европейским судом по правам человека нарушением ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (эта процессуальная возможность судов проверочных инстанций предусмотрена п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). За период с 2014 г. по октябрь 2018 г. из 118 дел на новое рассмотрение были отправлены 98 дел, в то время как решения по 20 делам были оставлены без изменения. Если же рассматривать более узкий временной промежуток, с начала 2018 г. по октябрь 2018 г., то из 26 дел по всем делам было возобновлено производство. Из них 7 судебных решений были оставлены без изменения, так как нарушение Конвенции не повлекло неправоудного решения, в то время как 19 дел было направлено на новое рассмотрение. Отметим, что среди дел, отправленных на новое рассмотрение, большую часть (17 из 19 дел) составили: дела, связанные с неосуществлением судами эффективной проверки доводов о провокации при проведении оперативно-розыскного мероприятия — «проверочная закупка», результаты которого использованы в качестве доказательства; дела, связанные с отсутствием у заявителя возможности воспользоваться средствами эффективной юридической помощи при рассмотрении его дела⁷⁸.

О сложившейся в России ситуации с соблюдением ст. 6 ЕКПЧ можно судить по действиям, принимаемым властями для реализации мер общего характера. В деле *Nefedov v. Russia* Суд указал на нарушение права на справедливое судебное разбирательство в связи с невозможностью надлежащего вызова адвоката заявителя в судебное заседание апелляционной инстанции — данное судебное заседание было проведено в отсутствие заявителя в нарушение ст. 6, § 1 в совокупности со ст. 6, § 3(с) Конвенции⁷⁹. По этому делу российскими властями был предоставлен отчет, в котором сообщается о действиях, предпринятых для решения этой проблемы. Так, было сообщено о реформировании в 2013 г. процедуры и о том, что в настоящее время участие осужденного является обязательным, если он или она просит об этом. При этом в соответствии с указаниями Пленума ВС РФ, если такой просьбы нет, участие все еще является обязательным, если

⁷³ См., например, ECHR. *Hadjianastassiou v. Greece*. App. no. 12945/87. Judgment of 16 December 1992.

⁷⁴ ECHR. *Jodko v. Lithuania*. App. no. 39350/98. Decision of 7 September 1999.

⁷⁵ См.: Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений ЕСПЧ // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 2. С. 11—13.

⁷⁶ См.: Беляева Н. Г. Мотивированность судебных актов в свете стандартов Европейского суда по правам человека // *Судья*. 2017. № 2. С. 37—39.

⁷⁷ ECHR. *Kuznetsov and Others v. Russia*. App. no. 184/02. Judgment of 11 January 2007.

⁷⁸ Статистика составлена авторами настоящего исследования самостоятельно, по итогам анализа практики российских судов общей юрисдикции.

⁷⁹ ECHR. *Nefedov v. Russia*. App. no. 40962/04. Judgment of 13 March 2012.

речь идет о реальном лишении свободы⁸⁰. Верховный Суд также пояснил, что отказ от юридической помощи должен быть добровольным, четко выраженным, должен быть оформлен в письменном виде, отражен в протоколе заседания и должен соответствовать российскому законодательству и международному праву. Если участие адвоката является обязательным, но осужденный не выбрал ни одного из них, апелляционные суды должны принять меры для предоставления назначенного государством адвоката и обеспечения его или ее присутствия на слушаниях. Также власти отмечают, что уведомление является обязательным и может быть осуществлено с помощью sms (при согласии сторон). Таким образом, можно говорить о том, что российские власти приняли отдельные меры во исполнение требований ЕСПЧ.

Важно обратить внимание на дело *Belousov v. Russia*⁸¹, а также ряд схожих дел, таких как *Tkachuk v. Russia*⁸² и *Angirov and Others v. Russia*⁸³. В этих делах Суд обнаружил нарушение ст. 6, § 1 и 3(b) и (c) (права на адекватные условия для подготовки защиты и защиты себя лично или посредством защитника) в связи с тем, что суды первой инстанции не признали влияния специфических мер безопасности в зале суда (стеклянной кабины или металлической клетки) на право заявителей на защиту. По делу Белоусова власти направили предварительный план действий. Тем не менее нельзя не отметить, что по данному вопросу Российская Федерация уже приступила к активным действиям. Так, в Государственную Думу РФ осенью 2018 г. был внесен соответствующий законопроект, поддержанный Советом по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте РФ. В мае уже министр юстиции заявил о проработке возможности отказа от клеток и аквариумов⁸⁴, а в июне председатель ВС РФ В. М. Лебедев сообщил о поддержке Верховным Судом законодательной инициативы, выразив свое отношение к проблеме словами «правосудие можно осуществлять и без клеток»⁸⁵. Пред-

ставляется, что такие инициативы стали возможны именно благодаря «поставленным на конвейер» постановлением ЕСПЧ, в которых подобные ограничения в залах суда резко критикуются.

Другим важным делом представляется *Samokhvalov v. Russia*, за которым последовали еще 14 дел⁸⁶. Суд указал на нарушение прав заявителей на справедливое судебное разбирательство и принципа равенства сторон в связи с рассмотрением судами апелляционной инстанции их уголовных дел в их отсутствие и (или) в отсутствие их адвокатов. При этом национальные суды не смогли установить, что заявители были должным образом проинформированы о необходимости запросить разрешение на явку и о последствиях их неисполнения. Таким образом, Суд установил нарушение ст. 6, § 1 в сочетании со ст. 6, § 3(c). На текущий момент соответствующие решения ЕСПЧ были распространены Верховным Судом РФ по нижестоящим судам и от российских властей ожидается информация о дальнейших мерах по предотвращению новых подобных нарушений. Представляется, что именно отсутствие активных и своевременных мер могло привести к тому, что встречаются схожие дела, датированные в том числе 2018 г., в то время как окончательное решение по делу Самохвалова вынесено в 2009 г.

То же касается и действий властей по делу *Blokhin v. Russia*, в котором ЕСПЧ обнаружил нарушение ст. 6, § 1 и 3(c) (d) ЕКПЧ в связи с отсутствием права на юридическую помощь и невозможностью обеспечить присутствие и допрос свидетелей в связи с тем, что заявитель не достиг возраста уголовной ответственности и, следовательно, не попал под защиту гарантий Уголовно-процессуального кодекса РФ⁸⁷. По данному делу власти также в качестве общих мер обеспечили перевод и доступ к решению ЕСПЧ, что представляется недостаточным для исчерпания проблемы.

Нельзя не обратить внимания и на недавнее дело *Rodionov v. Russia* и схожие⁸⁸. В данном деле Суд среди прочего установил нарушения права заявителя на справедливое судебное разбирательство в связи с тем, что совокупный эффект процессуальных недостатков судебного разбирательства (отсутствие уведомления заявителя о его праве на адвоката, его праве хранить молчание и его праве не свидетельствовать против самого себя) в сочетании с ограничением его доступа к юридической помощи породил неустранимые сомнения в общей справедливости разбирательства, что указывает на нарушение ст. 6, § 1 и 3(c) ЕКПЧ.

⁸⁰ Action report — Communication from the Russian Federation concerning the case of Nefedov against Russian Federation (App. no. 40962/04).

⁸¹ ECHR. Yaroslav Belousov v. Russia. App. no. 2653/13 and 60980/14, Judgment of 4 October 2016.

⁸² ECHR. Tkachuk v. Russia. App. no. 2335/09, Judgment of 16 October 2018.

⁸³ ECHR. Angirov and Others v. Russia. App. no. 30395/06, Judgment of 17 April 2018.

⁸⁴ Минюст прорабатывает вопрос об отмене клеток в судах // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190517/1553581045.html> (дата обращения: 29.06.2019).

⁸⁵ Верховный Суд поддержал отмену клеток в залах судов. URL: <https://rg.ru/2019/06/18/verhovnyj-sud-podderzhal-otmenu-kletok-v-zalah-sudov.html> (дата обращения: 29.06.2019).

⁸⁶ ECHR. Samokhvalov v. Russia. App. no. 3891/03, Judgment of 12 February 2009.

⁸⁷ ECHR. Blokhin v. Russia [GC]. App. no. 47152/06, Judgment of 23 March 2016.

⁸⁸ ECHR. Rodionov v. Russia. App. no. 9106/09, Judgment of 11 December 2018.

Таким образом, на данный момент в Российской Федерации по-прежнему нуждаются в решении проблемы, вследствие которых ЕСПЧ систематически признает отдельные аспекты российского уголовного процесса по конкретным делам нарушающими требования справедливого судебного разбирательства. Несмотря на то, что российские власти предпринимают отдельные меры (причем, надо признать, достаточно активные) по совершенствованию уголовного судопроизводства, этих усилий пока явно недостаточно.

Взгляд в будущее (вместо заключения). К любым прогнозам относительно дальнейшего развития практики ЕСПЧ, по вопросам эволюции национального процессуального законодательства стоит относиться с предельной осторожностью и аккуратностью. Предугадать, какие проблемы имплементации положений ЕКПЧ возникнут в будущем, — задача без преувеличения нереальная. Вместе с тем представляется, что определенные пути для дальнейшей имплементации европейских стандартов справедливого судебного разбирательства в российский правовой порядок обозначить все же можно.

Так, залогом полноценного отражения в национальном процессуальном праве конвенционных требований видится широкий диалог между международным судом и национальной юрисдикцией. Важность подобного диалога не вызывает сомнений и, надо признать, что в определенной степени он уже ведется. В частности, весной 2016 г. Европейский суд по правам человека посетила делегация Верховного Суда РФ, а в декабре того же года Верховный Суд РФ принимал у себя председателя ЕСПЧ Гвидо Раймонди. В 2019 г. председатель ВС РФ вновь посетил Страсбург.

Вместе с тем думается, что подобный диалог должен быть усилен. Так, при подготовке масштабных изменений процессуального законодательства высшим судебным органом видится целесообразным, а во многом и необходимым взаимодействие с Европейским судом по правам человека, который пусть и не предложит «рецепта» эффективной и успешной судебной системы, но может поделиться своим видением вопроса обеспечения фундаментальных процессуальных прав.

Определенные перспективы видятся и в ратификации Протокола № 16 к Европейской конвенции, которым национальным высшим судебным органам предоставляется возможность обращения в ЕСПЧ с запросом о вынесении консультативного заключения. Как упоминается в пояснительном докладе к Прото-

колу, основная цель данного документа состоит как раз в укреплении диалога между судами⁸⁹. Процедуру вынесения консультативных заключений Суд «на конвейер» пока не поставил, а в научной литературе уже появились первые скептические оценки нового механизма⁹⁰. Вместе с тем представляется, что консультативные заключения сбрасывать со счетов крайне преждевременно и, возможно, их главные достижения еще впереди.

Новая процедура при ратификации Россией Протокола № 16 к Конвенции может быть взята на вооружение Верховным Судом РФ. Так, Ю. Э. Ибрагимова систематизировала направления деятельности Верховного Суда РФ, направленные на имплементацию конвенционных требований⁹¹. Ратификация Протокола № 16 позволила бы добавить к этим направлениям и обращение в ЕСПЧ с запросом о консультативном заключении.

Думается, перспективным мог бы быть и диалог с другими государствами — членами Совета Европы. Нетрудно заметить, что зачастую схожие и в целом одинаковые проблемы имплементации ст. 6 Конвенции актуальны для самых разных стран, чьи системы права порой отличаются принципиально. В связи с этим перспективным между европейскими государствами видится взаимный обмен опытом и законодательными подходами.

Что касается стандартов справедливого судебного разбирательства, то крайне востребованной видится работа таких организаций, как Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ), Консультативный совет европейских судей. В заключениях этих организаций можно найти немало состоятельных, содержательных и глубоких рекомендаций, учет которых позволит сделать значительные шаги на пути к эффективному правосудию. Однако это уже тема для новых работ и исследований.

⁸⁹ URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d383e> (дата обращения: 28.06.2019).

⁹⁰ См.: Lavrysen L. The Mountain gave birth to a Mouse: the first Advisory Opinion under Protocol No. 16 // Strasbourg Observers. URL: <https://strasbourgobservers.com/2019/04/24/the-mountain-gave-birth-to-a-mouse-the-first-advisory-opinion-under-protocol-no-16/> (дата обращения: 28.06.2019).

⁹¹ См.: Ибрагимова Ю. Э. Верховный Суд Российской Федерации как субъект механизма имплементации Европейской конвенции о правах человека в национальный правовой порядок // Журнал российского права. 2019. № 4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Brannan J. ECHR Case-Law on the Right to Language Assistance in Criminal Proceedings and the EU Response. URL: https://e-justice.europa.eu/content_criminal_law-255--maximizeMS-en.do?clang=en&idSubpage=6&member=1 (дата обращения: 28.06.2019).

- Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe // *Michigan Law Review*. 1971. Vol. 69. No. 5.
- Dahlberg M. "It Is Not Its Task to Act as a Court of Fourth Instance": The Case of the European Court of Human Rights // *European Journal of Legal Studies*. 2014. Vol. 7. No. 2.
- Lavrysen L. The Mountain gave birth to a Mouse: the first Advisory Opinion under Protocol No. 16 // *Strasbourg Observers*. URL: <https://strasbourgobservers.com/2019/04/24/the-mountain-gave-birth-to-a-mouse-the-first-advisory-opinion-under-protocol-no-16/> (дата обращения: 28.06.2019).
- Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сб. науч. ст. / отв. за выпуск А. И. Стахов. М., 2018.
- Беляева Н. Г. Мотивированность судебных актов в свете стандартов Европейского суда по правам человека // *Судья*. 2017. № 2.
- Блохин П. Д. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ: сравнительное исследование // *Закон*. 2019. № 6.
- Брежнев О. В. Реформа судебной системы России 2018 г.: конституционно-правовое измерение // *Конституционное и муниципальное право*. 2019. № 1.
- Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // Хабриева Т. Я., Капустин А. Я., Ковлер А. И. и др. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2019.
- Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // *Журнал российского права*. 2019. № 6.
- Дедов Д. В., Гаджиев Х. И. Обзор практики Большой палаты Европейского суда по правам человека (ноябрь—декабрь 2018 г.) // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 2.
- Диков Г. В. Непосредственное исследование доказательств судом и право защиты допрашивать свидетелей // *Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики* / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012.
- Ибрагимова Ю. Э. Верховный Суд Российской Федерации как субъект механизма имплементации Европейской конвенции о правах человека в национальный правовой порядок // *Журнал российского права*. 2019. № 4.
- Ковлер А. И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // *Труды Института государства и права РАН*. 2016. № 2.
- Ковлер А. И. Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека. М., 2019.
- Ковлер А. И. Российское правосудие в свете правовых позиций Европейского суда по правам человека // Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017.
- Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 3.
- Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // *Журнал российского права*. 2018. № 10.
- Мохов Р. М. Судебная доктрина как источник права // *Политика, экономика и инновации*. 2018. № 4.
- Пименова С. Д. Европейский суд по правам человека: обзор постановления Большой палаты от 25 сентября 2018 года по делу «Денисов против Украины» (жалоба № 76639/11) // *Международное правосудие*. 2018. № 4.
- Решетникова И. В. Новейшие изменения в арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 2.
- Романова Е. В. Судебная доктрина в системе источников налогового права США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
- Самые важные качества для юриста — честность и мужество. Интервью с профессором А. И. Ковлером. URL: <http://www.garant.ru/interview/645596/> (дата обращения: 24.06.2019).
- Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений ЕСПЧ // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 2.
- Туманов В. А. Автономное толкование понятий в практике Европейского суда по правам человека // *Российский ежегодник Европейской конвенции*. М., 2016.
- Филатова М. А. Стандарты процессуальных гарантий: понятие и источники // *Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики* / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012.
- Фокин Е. А. Влияние практики Европейского суда по правам человека на правовую интеграцию государств: сближение национального процессуального права // *Международное правосудие как фактор интеграции* / под ред. А. И. Ковлера. М., 2019.
- Фокин Е. А. Имплементация права на суд, созданный на основании закона, в процессуальное законодательство Российской Федерации // *Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека*. 2019. № 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе. М., 2019.

- Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2.
- Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016.
- Шуберт Т. Э. Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2017. № 2.

REFERENCES

- Actual problems of harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision. Ed. by A. I. Stakhov. Moscow, 2018. 164 p. (In Russ.)
- Belyaeva N. G. The validity of judicial acts in the context of the standards of the European Court of Human Rights. *Sud'ya*, 2017, no. 2, pp. 36—38. (In Russ.)
- Blokhin P. D. Autonomous interpretation of notions in ECHR and RF constitutional court practice: a comparative research. *Zakon*, 2019, no. 6, pp. 61—76. (In Russ.)
- Brannan J. ECHR Case-Law on the Right to Language Assistance in Criminal Proceedings and the EU Response. Available at: https://e-justice.europa.eu/content_criminal_law-255--maximizeMS-en.do?clang=en&idSubpage=6&member=1 (accessed 28.06.2019).
- Brezhnev O. V. 2018 Russian Judicial Reform: Constitutional Dimension. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no. 1, pp. 43—47. (In Russ.)
- Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe. *Michigan Law Review*, 1971, vol. 69, no. 5.
- Dahlberg M. "It Is Not Its Task to Act as a Court of Fourth Instance": The Case of the European Court of Human Rights. *European Journal of Legal Studies*, 2014, vol. 7, no. 2.
- Dedov D. I., Hajiyeve Kh. I. Overview of the Practice of the ECHR's Grand Chamber (November—December, 2018). *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 2, pp. 55—63. (In Russ.)
- Dikov G. V. Direct examination of evidence by the court and the right to defense to question witnesses. *Fair Trial Standards: International and National Practices*. Ed. by T. G. Morshchakova. Moscow, 2012, pp. 374—432. (In Russ.)
- Filatova M. A. Standards of procedural guarantees: concept and sources. *Fair Trial Standards: International and National Practices*. Ed. by T. G. Morshchakova. Moscow, 2012, pp. 29—43. (In Russ.)
- Fokin E. A. Impact of the case-law of the European Court of Human Rights on the legal integration of states: convergence of national procedural law. *International Justice as a Factor of Integration*. Ed. by A. I. Kovler. Moscow, 2019. Pp. 64—79. (In Russ.)
- Fokin E. A. Implementation of the right to a court established by law in the procedural legislation of the Russian Federation. *Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights*, 2019. No. 5: Russia and the European Convention on Human Rights: 20 years together. Moscow, 2019. Pp. 47—59. (In Russ.)
- Hajiyeve Kh. I. Legal doctrines promoting the effectiveness of the implementation of the Convention on Human Rights in the national legal order. In Khabrieva T. Y., Kapustin A. Ya., Kovler A. I. et al. *Implementation of the Judgments of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System: concepts, legal approaches and practice*. Ed. by V. V. Lazarev. Moscow, 2019, pp. 89—114. (In Russ.)
- Hajiyeve Kh. I. Judicial Doctrines and Efficiency of Law Enforcement. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 14—27. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2019.6.2
- Ibragimova Yu. E. The Supreme Court of the Russian Federation as a Subject of the Mechanism of Implementation of the European Convention on Human Rights in the National Legal Order. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 4, pp. 156—172 (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2019_4_13
- Khabrieva T. Y. Doctrinal Sense of the Russian Constitution. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 2, pp. 34—38. (In Russ.)
- Kharris D., O'Boyl M., Uorbrik K. Law of the European Convention on Human Rights. Moscow, 2016. Pp. 496—665. (In Russ.)
- Kovler A. I. European Convention in the International System of Human Rights Protection. Moscow, 2019. 304 p. (In Russ.)
- Kovler A. I. Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights: Possibilities and Limits. The European Court of Human Rights as a Subject of Interpretation of Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 3, pp. 92—100. (In Russ.) DOI: 10.12737/20582
- Kovler A. I. Russian Justice in the Light of Legal Positions of the European Court of Human Rights. In T. Y. Khabrieva, V. V. Lazarev, A. V. Gabov et al. *Court Practice in the Modern Legal System of Russia*. Ed. by T. Y. Khabrieva, V. V. Lazarev. Moscow, 2017. Pp. 416—419. (In Russ.)
- Kovler A. I. State sovereignty and "sovereignty of human rights". *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2016, no. 2, pp. 81—88. (In Russ.)
- Lavrysen L. The Mountain gave birth to a Mouse: the first Advisory Opinion under Protocol No. 16. *Strasbourg Observers*. Available at: <https://strasbourgobservers.com/2019/04/24/the-mountain-gave-birth-to-a-mouse-the-first-advisory-opinion-under-protocol-no-16/> (accessed 28.06.2019).
- Mokhov R. M. Judicial doctrine as a source of law. *Politika, ekonomika i innovatsii*, 2018, no. 4, pp. 2—29. (In Russ.)
- Momotov V. V. The Russian Judicial Reform in 2018: Concept, Objectives, Content (Part I). *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 134—146. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_10_13

Pimenova S. D European Court of Human Rights. Denisov v. Ukraine [GC]. Application no.76639/11. Judgment of 25 September 2018. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2018, no. 4, pp. 21—28. (In Russ.)

Reshetnikova I. V. Latest Changes in Commercial and Civil Procedure Laws. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 2, pp. 59—64. (In Russ.)

Romanova E. V. Judicial Doctrine in the US Tax Law System. Cand. diss. thesis. Moscow, 2012. 23 p. (In Russ.)

Shubert T. E. Role of the Doctrine in Legal Drafting and Enforcement (Evidence from the Constitutional Court of the Russian Federation). *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 2, pp. 48—56. (In Russ.)

Sultanov A. R. On the problem of the motivation of judicial acts through the prism of judgments of the ECHR. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2008, no. 2, pp. 11—13. (In Russ.)

The most important qualities for a lawyer are honesty and courage. Interview with Professor A. I. Kovler. Available at: <http://www.garant.ru/interview/645596/> (accessed 24.06.2019). (In Russ.)

Tumanov V. A. Autonomous interpretation of concepts in the practice of the European Court of Human Rights. *Russian Yearbook of the European Convention*. Moscow, 2016. Pp. 16—29. (In Russ.)